

А.В.Макаркин
ведущий эксперт ЦПТ

КПРФ В НАЧАЛЕ НОВОГО СТОЛЕТИЯ

Коммунистическая партия Российской Федерации в настоящее время продолжает сохранять свои позиции в качестве одной из крупнейших политических сил России. Однако партия на рубеже веков оказалась перед лицом целого ряда новых проблем, от решения которых будут во многом зависеть ее перспективы.

Первая проблема заключается в «размывании» традиционно «кентаврического» строения КПРФ, при котором партия «держала баланс» между оппозиционностью и встраиванием в существующую политическую систему. Особенно опасно для КПРФ то, что «размывание» затрагивает обе стороны «кентавра».

Для коммунистов в настоящее время является крайне сложным (но, в принципе, не невозможным) расширение своего электората за счет новых групп избирателей. В значительной степени это связано не только с традиционно «красным» имиджем партии, но с тем, что исчезли наиболее острые причины для недовольства существующими властями. Причем это относится не только к населению в целом, но и к электорату самой КПРФ.

– смягчается противостояние между коммунистами и «реформаторами», которое было определяющим фактором российской политики и придавало коммунистам политический вес как единственной серьезной угрозе власти;

– после отставки Бориса Ельцина его место занял популярный Владимир Путин. Коммунисты потеряли возможность критиковать, причем с заведомым успехом, «первое лицо» в государстве. Теперь им приходится сосредотачивать огонь критики на влиятельных, но все же не «первых» фигурах (Чубайс, Греф), сейчас эта критика тесно связана с борьбой между различными властными группами, а коммунисты при этом используются в качестве дополнительного рычага давления на либералов;

– за счет благоприятной экономической конъюнктуры властям удалось решить проблему кризиса неплатежей в пенсионной сфере и существенно ослабить ее для бюджетников. Более того, после долгого перерыва удалось провести индексацию пенсий и зарплат и повышение МРОТ, что частично компенсировало потери августа 1998 года;

– правительство пока практически не идет на непопулярные меры в социальной сфере. Реализация жилищно-коммунальной и пенсионной реформ, по сути дела, еще не началась;

– для левого электората в течение всех 90-х годов важной была проблема «непатриотичности» власти. Пока что Путин не дает повода для того, чтобы поднимать эту тему. Активная позиция по Чечне, попытка говорить с Западом «на равных», борьба с «непатриотичным» НТВ записываются левым электоратом в актив действующему президенту. То же самое относится и к возвращению к музыке советского гимна. Президент Путин имеет высокий кредит доверия среди значительной части избирателей, традиционно голосующих за КПРФ. Простые и понятные лозунги («банду Ельцина под суд», «своевременная выплата пенсий и зарплат») более не работают.

Объективное уменьшение протестных настроений совпало с резким снижением влияния КПРФ на политику федеральных властей. Это выглядит парадоксальным – ведь власть вступила в союз с коммунистами при распределении постов в Думе, осуществляет политику, созвучную с некоторыми идеями коммунистов, президент неоднократно проводил длительные беседы с лидерами КПРФ и НПСР (факт, невозможный при Ельцине). Смягчение отношения власти к КПРФ проявилось и в том, что с уходом Ельцина прекратились попытки добиться если не запрета компартии, то хотя бы существенных ограничений ее деятельности. Последний раз такая попытка была предпринята летом позапрошлого года и стоила кресла главе Минюста Павлу Крашенинникову, выступившему тогда против действий в отношении коммунистов.

Однако при более внимательном рассмотрении выясняется, что коммунисты утратили большую часть рычагов влияния на Кремль. Большинство в нынешней Думе у них нет. Спикер Селезнев избран только благодаря поддержке прокремлевских депутатских объединений и обладает ныне двойной лояльностью – к своей партии и Кремлю (причем последняя, кажется, перевешивает). Коммунисты не способны не только претендовать вместе с союзниками на абсолютное большинство (как это было в прошлой Думе), но и не могут даже заблокировать принятие неудобного им решения. Характерный пример – голосование в двух чтениях за проект бюджета-2001, который был принят, несмотря на крайне негативное отношение к нему коммунистов. То же самое относится и к голосованию по проекту Земельного кодекса, когда даже демонстративный уход из зала представителей КПРФ и аграриев не сорвал принятие этого документа.

Поэтому если раньше коммунисты навязывали власти диалог с собой (и власть шла на этот диалог, чтобы добиться принятия Думой ключевых законов), то теперь все зависит от доброй воли президентской стороны. Возможности для торга резко сокращены. Показательно, что в правительство не вошли не только члены КПРФ, но и персоналии, сколько-нибудь близкие к партии. Показательно, что министр образования Владимир Филиппов, которо-

го коммунисты в 1998 году считали чуть ли не «своим» (заметим, что без достаточных оснований), в настоящее время подвергается жесткой критике именно со стороны депутатов Госдумы от КПрФ. Все это резко сокращает лоббистские возможности компартии.

Впрочем, в начале 2001 года ходили слухи о возможном в будущем вхождении коммунистов в правительство (назывались фамилии Геннадия Селезнева и Юрия Маслюкова). Однако для этого необходимо будет переформировать финансово-экономический блок кабинета (Алексей Кудрин и Герман Греф идеологически несовместимы с коммунистами). Судя по всему, пока таких планов у главы государства нет, да и слухи с тех пор не возобновлялись.

Вторая проблема состоит в кризисе лидерства. По сравнению с первой она носит не столь глобальный характер, но все равно болезненно воспринимается значительной частью партактива.

Геннадий Зюганов возглавляет КПрФ уже более семи лет. За это время партия получила большинство в Думе и утратила его. Сам Зюганов превратился в «вечно второго» кандидата в президенты, и даже многие его соратники не рассчитывают, что он вернет коммунистов к власти. К Зюганову есть претензии как у ортодоксов, так и у прагматиков.

С точки зрения ортодоксов, Зюганов слишком далеко отошел от традиционного марксизма-ленинизма (подробнее идеологические споры в партии будут рассмотрены ниже). По их мнению, лидер КПрФ слишком долго сотрудничал с «чуждыми партии» деятелями, в частности, с лидером «Духовного наследия» Алексеем Подберезкиным. И сейчас ортодоксы весьма сдержанно относятся к сближению Зюганова с группой молодых бизнесменов во главе с Геннадием Семигиным, которые «не укоренены» в оппозиционном, а тем более в коммунистическом движении.

По мнению прагматиков, Зюганов как лидер принадлежит ушедшей советской эпохе. Он менее желательный партнер для нынешней власти, чем лидеры новой волны. Не менее важно и то, что пока во главе компартии стоит Зюганов, являющий собой символ «эпохи биполяризации», в обществе будет сохраняться непреодолимый психологический барьер, не позволяющий партии существенно выйти за пределы своего традиционного электората.

КПрФ по определению не является «лидерской» партией (в отличие, например, от ЛДПР). Смена лидера в ней вполне возможна. Однако у оппонентов Зюганова нет реального кандидата на его место. Илюхин в таком качестве никем серьезно не рассматривается. Что же касается Селезнева, то ортодоксы ставят вопрос о его пребывании в партии, обвиняя председателя Госдумы в «измене» идеям коммунизма. Заместитель Зюганова Иван Мельников малоизвестен за пределами партии и имеет репутацию скорее «узкого специалиста» в вопросах образования, чем масштабного политического деятеля.

Изменилась и место НСПР на политической сцене. В тезисах, одобренных президиумом ЦК КПРФ накануне прошлогоднего съезда, сказано: «Этот союз должен быть прежде всего объединением реальных общественных сил, а не отдельных более или менее известных персон. Именно в таком направлении развивается сегодня НПСР». На практике это означает, что НПСР покинули его амбициозные лидеры – Подберезкин, Говорухин, Тулеев, Лапшин. Пришедшие вместо них организации (профсоюзные, научные, Союз товаропроизводителей и др.) не претендуют на самостоятельную политическую роль и способны выполнять лишь функции «массовки».

Исключение среди новых членов НПСР составляет движение «Россия» Геннадия Селезнева, которое рассматривалось как возможная левоцентристская альтернатива КПРФ. Однако для сотрудников администрации президента, патронировавших этот проект, быстро стало очевидно, что «Россия» в настоящее время не в состоянии стать сколько-нибудь мощной политической силой. Поэтому ее включение в НПСР стало возможностью как для Зюганова, так и для Селезнева «сохранить лицо».

Другим аргументом в пользу сохранения Зюганова на посту председателя НПСР служит опасность создания «двоецентрия» в левом движении (в случае, если НПСР, скажем, возглавит Селезнев). Что касается самого Селезнева, то его постоянно критикуют еще сильнее, чем Зюганова, оставляя при этом в партии. Ведь в случае исключения Селезнева коммунисты теряют пост спикера Думы (прокремлевские фракции и группы обладают достаточным ресурсом для того, чтобы сохранить Селезнева на посту спикера в качестве беспартийного).

Третья проблема связана с кризисом идеологии. За последние годы наметился явный дисбаланс между партийным активом и левым электоратом именно в идеологической сфере.

Электорат коммунистов на треть состоит из тех, кто называет себя в социологических опросах «православными» (несмотря на то, что далеко не все они являются активными прихожанами Православной церкви). Да и «атеисты», мягко говоря, мало интересуются теоретическими вопросами марксизма-ленинизма. Поэтому как в документах КПРФ, так и на практике вопросам взаимоотношений между материализмом и идеализмом, наукой и религией уделяется мало внимания или они вообще «выведены за скобки». Был снят формальный запрет на членство верующих в партии, существовавший еще с советских времен. В ходе избирательных кампаний коммунисты неоднократно подчеркивали свою терпимость к чужому мнению, отказ от воинствующего атеизма. В 1996 году в поддержку Зюганова высказалась группа священников, а в партийных документах и СМИ ссылки на наследие покойного петербургского митропо-

лита Иоанна можно встретить едва ли не чаще, чем цитаты из «классиков».

В то же время, партийный актив в значительной степени состоит из бывших сотрудников идеологических подразделений КПСС и специалистов в области марксизма-ленинизма, научного коммунизма и др. Именно они первыми оказались не у дел после запрета КПСС, не смогли (за определенными исключениями) адаптироваться к новым реалиям и составили основу центрального аппарата и региональных комитетов КПрФ. Эта категория партработников серьезно относится к ленинской традиции и не только не желает от нее отказываться, но и стремится ликвидировать те незначительные идеологические уступки, на которые пошло руководство партии, стремясь вернуться к власти. Логика этой части актива проста – если уж не удастся победить на выборах с помощью апелляции к владыке Иоанну и русской консервативной философии, то почему бы не вернуться к несколько видоизмененному марксизму-ленинизму. Тем более, что главный проводник «идеалистических» воззрений Подберезкин перестал быть союзником коммунистов.

Четвертая проблема – возрастная. Партия стремительно стареет. Если в середине 90-х годов коммунисты могли опровергать тезис о КПрФ как «партии пенсионеров», обоснованно указывая на преобладание в ней поколения 50-летних, то теперь «50-летние» сами постепенно приближаются к пенсионному возрасту, а то и достигли его. Ярких молодых политиков в сегодняшней КПрФ немного – одно из исключений составляет подмосковный адвокат Дмитрий Аграновский. Приток новых кадров идет слабо по целому ряду причин.

Во-первых, значительная часть молодежи, выросшая в условиях формирования рыночных отношений, принципиально чужда коммунистической идеологии.

Во-вторых, идеологизированная часть молодежи часто предпочитает более радикальные левые объединения, чем зюгановских коммунистов (анпиловцев, лимоновских национал-большевиков, анархистов и др.). КПрФ для них слишком скучна, умеренна и бюрократизирована.

В-третьих, некоторые молодые активисты вступили в конфликт с партруководством по организационным вопросам (Маляров, бывшая депутат Госдумы Митина). «Разборки» с их участием превратились в демонстрацию «грязного белья» и снизили и без того невысокий авторитет КПрФ в молодежной среде.

Осознавая проблему старения партии, руководство КПрФ готово пойти на экстраординарные меры по омоложению своих рядов. В тезисах к прошлогоднему съезду говорилось: «Необходимо обеспечить ежегодный прием в члены КПрФ на уровне не ниже 10 процентов от численности организации, в первую оче-

редь за счет молодежи, а также населения трудоспособного возраста. Добиться притока молодых коммунистов во все выборные органы партии. Ввести соответствующие квоты для молодежи – до 20 процентов – при выборах в партийные комитеты». Однако сомнительно, чтобы такой стимул заинтересовал сколько-нибудь значительное количество молодежи.

Впрочем, представлять коммунистов только партией, стоящей перед сложными проблемами, вряд ли возможно. Пользуясь имеющимися в ее распоряжении ресурсами, компартия старается решать перечисленные выше проблемы.

Даже неудача вотума недоверия правительству в марте («за» проголосовали всего 127 депутатов – члены фракции КПрФ, часть представителей Аграрно-промышленной группы и несколько независимых депутатов), по сути дела, не означает принципиального поражения коммунистов. Они с самого начала были настроены на то, что вотум не пройдет. Напротив, для КПрФ вотум послужил важным средством для подчеркивания своей идентичности.

Свидетельством этого является, в частности, отсутствие какой-либо полемики внутри КПрФ по поводу вотума, не говоря уже о расколах или «отколах». Исключение составляет Геннадий Селезнев, отказавшийся ставить свою подпись под требованием вотума. Однако в данном случае этот факт лишь подтверждает общее правило, так как взаимоотношения КПрФ и спикера носят «диалектический» характер. Селезнев, давно ориентированный скорее на Кремль, чем на Зюганова, не может покинуть компартию, так как в этом случае становится политиком-одиночкой и ставит под вопрос свое спикерство. В то же время, КПрФ также не в состоянии применить какие-либо санкции в отношении Селезнева, так как в этом случае она теряет пост спикера и связанный с ним организационный ресурс, «работающий» не только на Селезнева, но и на партию в целом.

В настоящее время ресурсы КПрФ, по меньшей мере, не сократились по сравнению с периодом президентских выборов. Им уже в течение нескольких лет свойственна стабильность, сочетающаяся, однако, с ограниченностью возможностей для их расширения. Последняя препятствует коммунистам реально включиться в борьбу за власть и, несмотря на всю силу партии, выталкивает ее на периферию политической жизни. Впрочем, в настоящее время на периферии находятся все политические партии и движения, включая и «Единство», что наглядно продемонстрировал скандал вокруг вотума недоверия правительству.

Электоральный ресурс

Электоральные позиции коммунистов выглядят весьма прочными. По результатам опроса, проведенного ВЦИОМ, КПрФ могла рассчитывать в феврале на поддержку 35% избирателей, намеренных принять участие в выборах, а ее основной конкурент – «Единство» – лишь на 22%. Показательно, что в мае 2000

года (вскоре после победы Владимира Путина на президентских выборах) за КПРФ были готовы проголосовать 33%, а результат «Единства» был выше февральского – 26%. Сейчас разрыв между ними, по данным ВЦИОМа, вырос почти в 2 раза.

Характерно и то, что ВЦИОМ фиксирует незначительную и при этом «затухающую» поддержку движения «Россия». Если в октябре оно могло рассчитывать на 2% голосов от желающих принять участие в выборах, то в феврале – уже меньше 1%.

Весьма показательно, что 74% из тех, кто утверждал, что проголосовал за КПРФ в 1999 году, готовы повторить свой выбор и в «ближайшее воскресенье». Это наивысший показатель среди партий и движений, имеющих шансы пройти в Думу. Так, среди сторонников «Единства» сохранили верность своему избирательному объединению 61%, среди «яблочников» – 63%, среди правых – 51%, а среди приверженцев «Отечества» – лишь 37%.

Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) также предсказывает коммунистам относительное большинство голосов на думских выборах – 26% от всех участников опроса (нетрудно заметить, что эта цифра близка к данным ВЦИОМ, так как 20% участников опроса ФОМ или затруднились ответить на вопрос, или заявили об отказе от участия в выборах). Однако ФОМ значительно оптимистичнее оценивает перспективы «Единства» – 22% от всех избирателей. Таким образом, разрыв между двумя фаворитами составляет лишь 4%.

Из опроса ФОМ, кроме того, можно выделить и явные проблемы КПРФ. Так, основу электората КПРФ по-прежнему составляют избиратели старше 50 лет (37%). Число избирателей среднего возраста (28%) примерно соответствует среднему же уровню поддержки коммунистов по стране, а вот среди молодежи зюгановцы явно проваливаются (всего 12%).

Неудивительно, что коммунисты пользуются значительной поддержкой (33%) избирателей с образованием ниже среднего, среди которых немало пенсионеров («Единство» среди этой категории избирателей заметно отстает – 16%, а остальные избирательные объединения не получают больше 6%). Поддержка КПРФ со стороны лиц со средним и средним специальным образованием находится в пределах средней по стране (соответственно, 24 и 26%). Как обычно, в наименьшей степени за компартию голосуют избиратели с высшим образованием – 19% (однако это число примерно соответствует количеству избирателей с высшим образованием, голосующих за традиционно «интеллигентские» «Яблоко» и СПС – 21%).

При этом лишь половина сторонников компартии считают, что КПРФ победит на следующих выборах в Думу (24% избирателей КПРФ полагают, что победителем окажется «Единство» и 4% придерживаются экзотической точки зрения, что им станет

ОВР). Это может свидетельствовать о неверии значительной части коммунистического электората как в способность своей партии добиться успеха на выборах, так и честность самих выборов («общим местом» стали слова о возможности использования «Единством» административного ресурса).

Таким образом, не сбылись прогнозы, предрекавшие сужение электоральной базы КПРФ после «прорыва» красного пояса на думских выборах 1999 года. Впрочем, и на этих выборах коммунисты, «отступив» в ряде регионов, улучшили свои позиции в других (в частности, на востоке страны).

Необходимо отметить, что КПРФ после 1999 года осталась фактически в одиночестве в левой части электорального поля. Перестали быть актуальными претензии на конкуренцию с КПРФ «слева», со стороны Движения в поддержку армии, и «справа», со стороны «Духовного наследия» (впрочем, понятия «лево» и «право» здесь достаточно условны, ибо к «левым» в этом случае относятся и генерала-антисемита Макашова). Оба этих объединения потерпели сокрушительное поражение на думских выборах, на которые пошли самостоятельно.

Такие политические фигуры, как Бабурин, Илюхин, Макашов, Подберезкин, утратили практически всякое влияние (трое из них не были избраны в Думу нового созыва, а Илюхин довольствуется ролью рядового депутата). Российский общенародный союз Бабурина объявил о самороспуске. Крайне левое крыло в коммунистическом движении никак не может преодолеть раскол на «тюлькинцев» и «анпиловцев», что снижает конкурентоспособность этих организаций в борьбе с КПРФ за голоса протестного электората. Вообще, о леворадикалах в последнее время мало что слышно – так, анпиловская избирательная кампания в Думу в Подмосковье в феврале-марте 2001 года прошла практически незамеченной для центральных СМИ (в округе, где до него депутатом был коммунист Герман Титов, Анпилов набрал лишь 13% голосов).

Существенно снизилось самостоятельное значение аграрных организаций, союзных КПРФ («харитоновские аграрии»), которые не имеют шансов на прохождение в Думу вне коалиции с зюгановцами. Выше уже упоминалось о «затухании» без того значительной поддержки избирателями селезневской «России». Соответственно, все возможные альтернативы КПРФ (Российский общенародный союз, «Духовное наследие», Движение в поддержку армии, РКРП, «Трудовая Россия», харитоновские аграрии, «Россия») в настоящее время практически не имеют шансов конкурировать с партией Геннадия Зюганова.

Властный ресурс

В парламенте коммунисты располагают в настоящее время постами спикера, одного из вице-спикеров и председателей девяти комитетов. Кроме того, еще одним вице-спикером является представи-

тель Аграрно-промышленной депутатской группы Геннадий Семигин, формально не входящий в состав КПРФ, но избранный в парламент по ее спискам и, по некоторым данным, бывший одним из основных спонсоров избирательной кампании зюгановцев 1999 года.

После провала вотума встал вопрос о сокращении количества думских комитетов (его подняли представители прокремлевской группы «Народный депутат», при отсутствии возражений со стороны «Едиства»). Понятно, что такое решение может нанести серьезный удар по коммунистам. Кремль заинтересован в первую очередь в том, чтобы лишить их комитетов, наиболее значимых с учетом предстоящего обсуждения в парламенте либеральных законопроектов в области экономики. Речь идет о комитете по экономической политике и предпринимательству, который возглавляет Сергей Глазьев и социальных комитетах (по науке, культуре и др.).

Кроме того, жертвой сокращения числа комитетов может стать Анатолий Лукьянов, руководящий комитетом по государственному строительству, искусственно созданным в январе 2000 года при разделе комитета по законодательству (КПРФ не соглашалась отдавать этот комитет целиком в руки представителя СПС Павла Крашенинникова). За последний год выяснилось, что комитеты явно дублируют друг друга, причем Кремль более тесно контактирует именно с комитетом Крашенинникова.

Таким образом, думский властный ресурс КПРФ может существенно сократиться, хотя коммунисты и сохранят пост спикера и, скорее всего, председателей значительного числа комитетов (правда, в основном второстепенных).

Что касается регионального властного ресурса, то с ним дела обстоят не менее противоречиво. С одной стороны, коммунисты в прошлом году вынуждены были выступить против трех губернаторов, которых они поддерживали в ходе их избирательных кампаний 1996–1997 гг.: Александра Руцкого (Курская область), Леонида Горбенко (Калининградская область), Амана Тулеева (Кемеровская область). Все они решительно дистанцировались не только от местных организаций КПРФ (это зюгановцы готовы принять, как в случае со ставропольским губернатором Александром Черногоровым), но и от московского ЦК.

При этом, в случаях с Горбенко и Руцким интересы КПРФ частично совпали с предпочтениями президентских структур, которые были заинтересованы в поражении этих политиков на выборах. В связи с этим, Геннадий Зюганов получил трибуну на государственном телевидении. В обоих случаях нежелательный для коммунистов губернатор лишился кресла (хотя в Курске Руцкой был «снят с дистанции» без их прямого участия). В случае с Тулевым КПРФ вынуждена ограничиться лишь «демонстрациями неудовольствия»: позиции кемеровского губернатора в его регионе слишком прочны, да и в Кремле к нему нет претензий.

В то же время в ходе прошлогодней серии губернаторских выборов коммунисты получили три новых губернаторских поста: на Камчатке (Михаил Машковцев), в Ивановской области (Владимир Тихонов) и Курской области (Александр Михайлов, быстро получивший общероссийскую известность своими антисемитскими пассажами). Особенно важен тот факт, что все трое являются не «попутчиками» (так называемыми «розовыми» губернаторами), а самыми настоящими «красными» членами КПРФ с момента основания партии. Михайлов и Тихонов входили в состав депутатской фракции КПРФ в Госдуме (причем Тихонов некоторое время возглавлял комитет по промышленности), а Машковцев избирался председателем Законодательного собрания (ЗАКСа) Камчатской области (и, одновременно, был одним из немногих членов КПРФ в Совете Федерации), а затем возглавлял комфракцию в новом составе ЗАКСа. Есть основания полагать, что новые губернаторы не повторят опыта Руцкого и Горбенко.

Причины столь существенного успеха «красных» кандидатов различны. В Курской области существенную роль в победе Михайлова сыграло снятие Руцкого, однако и без этого он считался одним из фаворитов избирательной кампании (недаром, он без особого труда победил прокремлевского кандидата Суржикова). В Ивановской области губернатор Тихомиров достаточно неожиданно для местной элиты отказался от участия в выборах, а его преемник не успел завоевать поддержку избирателей (да и в местной элите к нему относились неоднозначно). В результате коммунисты, в 1996 году поддержавшие Тихомирова, смогли выдвинуть наиболее «тяжеловесную» фигуру из всех кандидатов (многолетний депутат Думы, экс-председатель ее комитета, бывший гендиректор крупного предприятия), что и сыграло значительную роль в их успехе. На Камчатке губернатор также не баллотировался, но победа Машковцева связана в первую очередь с высоким уровнем протестных настроений в регионе (победе Машковцева не помешало даже объединение практически всей местной элиты вокруг кандидата от «партии власти»).

Однако успех в трех регионах сопровождался для КПРФ отступлением в Воронежской области (там «розовый» губернатор Иван Шабанов проиграл кандидату от Кремля). Не менее показательна (хотя и не столь заметна) неудача коммунистов в Ульяновской области, известной своей «советскостью». В 1996 году главным конкурентом губернатора Горячева был 1-й секретарь обкома КПРФ, который смог получить около трети голосов избирателей. Однако участие в избирательной кампании генерала Шаманова (ставшего в конце концов победителем) не позволило коммунистам не только расширить этот «плацдарм», но и вообще конкурировать не только с Шамановым, но даже с проигравшим Горячевым.

**Организационный
ресурс**

КПРФ остается одной из самых дисциплинированных российских партий – в ней запрещены фракции, что соответствует советской коммунистической традиции. Руководство партии отличается стабильностью – так, например, Зюганов, Купцов, Селезнев, Зоркальцев входят в его состав, начиная с 1993 года. Это не означает, впрочем, что в партии не происходит борьбы за власть и влияние. Так, в прошлом году при обсуждении программных документов КПРФ выявились существенные разногласия между «прагматиками» и «догматиками». Последние настаивали на неизменности марксистско-ленинских постулатов, особой актуальности изучения научного коммунизма, необходимости следования принципам атеизма и т.д. Это течение получило поддержку значительной части активистов, в первую очередь, бывших преподавателей и научных сотрудников-обществоведов. Их неформальным лидером стал секретарь ЦК по идеологии и аналитике Александр Кравец.

Зюганов, Зоркальцев и другие весьма прагматичные лидеры партии оказались перед выбором. Они могли пойти на уступки «догматикам» из актива, но в этом случае следующим этапом могли стать обвинения их самих в ревизионизме и «поповщине» (тем более, что соответствующих цитат из их речей и статей достаточно много). Внешне теоретический спор угрожал организационным основам партии, стабильности ее руководства, тем более, что Кравец становился активной публичной фигурой – от имени КПРФ стал часто принимать участие в политических телепередачах, где зарекомендовал себя способным полемистом.

В этих условиях руководство КПРФ пошло на опережение. При этом оно исходило не только из стремления сохранить единство партии (такая угроза если и была, то сугубо виртуальная), но и из понимания, что теоретические споры совершенно не интересуют громадное большинство избирателей КПРФ (не только «протестную» их часть, но и «ядерный» коммунистический электорат). Поэтому на съезде КПРФ, состоявшемся в конце 2000 года, Кравец был смещен с поста секретаря ЦК, а на его место избран ранее малоизвестный в партии Олег Куликов, в прошлом ведущий научный сотрудник географического факультета МГУ, вступивший в КПРФ лишь в 1997 году. Так, идеологический спор был решен сугубо организационными, аппаратными методами.

Другой организационной проблемой КПРФ уже в течение нескольких лет является деятельность бывшего «гекачеписта» Олега Шенина, создавшего в середине 90-х годов Союз коммунистических партий – КПСС (СКП-КПСС), претендующий на роль «Компартии СНГ» (в нее на правах коллективных членов входят коммунистические партии стран СНГ). Последним по времени проектом Шенина стало создание Компартии России и Белоруссии. Все шенинские структуры, считая себя «главными» приемни-

ками КПСС, претендовали на главенство над КПРФ, а сам Шенин выступает с критикой Зюганова с леворадикальных позиций (но при этом, в отличие от Анпилова или Тюлькина, не демонстрировал желания окончательно отделиться от КПРФ).

Попытка Шенина «встать над партией» была обречена на неудачу. Угроза КПРФ выйти из СКП-КПСС привела к тому, что в январе 2001 года Шенин был смещен с поста главы этой организации (его преемником стал Геннадий Зюганов). Тем самым, КПРФ добилась изменения характера СКП-КПСС – из конкурирующей с зюгановцами структуры она стала частью их сферы влияния, а Зюганов стал по совместительству «главным коммунистом» СНГ. Проект создания Компартии России и Белоруссии был фактически провален, когда об отказе участвовать в нем заявили как КПРФ, так и Компартия Белоруссии, ориентированная на Александра Лукашенко (у которого давние партнерские отношения с Зюгановым). В результате Шенину пришлось проводить учредительный съезд своей новой компартии лишь в окружении ближайших соратников, что полностью дискредитировало его начинание.

Финансовый ресурс

КПРФ никогда не была в числе наиболее «богатых» партий, однако, уже в середине 90-х годов сформировало достаточно солидную материальную базу. Правда, состав ее спонсоров менялся по объективным обстоятельствам – из него выбыли Тверьуниверсалбанк и Инкомбанк (последний в бытность свою «олигархической» структурой диверсифицировал свои политические интересы, в том числе помогая и коммунистам). В 1999 году Аман Тулеев обнародовал информацию, что коммунистов финансировала группа МИКОМ Михаила Живило, с которой у Тулеева был серьезный конфликт. Зюганов эту информацию официально опроверг, однако «тема МИКОМа» остается одной из ключевых при поиске «компромата» на КПРФ. Так, накануне голосования по вотуму недоверия ее вновь воскресил Подберезкин.

Традиционно «опорной» для КПРФ является корпорация «Росагропромстрой» во главе с членом президиума КПРФ Виктором Видьмановым (он возглавляет также АСБ-банк). Однако уже в ходе избирательной кампании 1999 года КПРФ существенно расширила круг спонсоров, в который вошли уже упоминавшийся Семигин, банкир Игорь Анненский (ныне зампред банковского комитета Госдумы) и др.

Наличие финансовой базы позволяет коммунистам содержать не только аппарат, но и аналитические структуры. До 1999 года эту функцию фактически выполняла РАУ-корпорация Подберезкина, но после его исключения из фракции КПРФ возросла роль партийных аналитиков. Но финансовая зависимость партии от спонсоров, одновременно, создает проблемы – в случае серьез-

ного конфликта КПРФ с властью есть значительная вероятность того, что удар со стороны правоохранительных органов будет направлен именно по финансовой составляющей, что не вызовет протеста среди электората КПРФ. Таким образом, возможность политического маневра во взаимоотношениях с властью для партии существенно сокращается.

**Имиджевый
ресурс**

Геннадий Зюганов предпринимает немало усилий для того, чтобы представить КПРФ динамичной партией XXI века. При этом активно используется ресурс беспартийных «знаковых фигур» – экономиста Глазьева, бизнесмена Семигина, лауреата Нобелевской премии Алферова, вошедших в избирательный список партии образца 1999 года.

Но в целом имидж КПРФ не претерпевает существенных изменений. Определенную роль в том играют СМИ – у коммунистов нет своих федеральных каналов, а как государственные СМИ, так и НТВ сосредотачивают внимание, как правило, на наиболее архаичных чертах КПРФ, ее преемственности по отношению к КПСС. Однако куда в более значительной степени это связано с внутренними проблемами партии – с традиционностью мышления большинства партийных руководителей, их обращенностью в прошлое. Реальное значение «новых людей» не выше, чем их прямых предшественников – беспартийного эксперта Подберезкина и «красного капиталиста» Семаго, вынужденных разорвать союз с Зюгановым в конце 90-х годов.

Показательны результаты исследования «Homo deputatus в парламенте и политике», опубликованного ЦПТ в 2001 году. В нем, в частности, содержится анализ поведения и предпочтений депутатов от КПРФ в Госдуме, который показывает, что никакой эволюции партии в сторону признания рыночных реалий не происходит. Более того, в ряде случаев коммунисты оказываются на более ортодоксальных позициях, чем в прошлой Думе – в частности, существенно (на 10 пунктов) возросла степень жесткости депутатов от КПРФ в поддержке убыточных предприятий. «Ностальгическая» позиция коммунистов ярко проявилась в их отношении к судьбе космической станции «Мир» – КПРФ, несмотря на мнение специалистов, выступила главным инициатором кампании за продолжение функционирования станции.

Такая ностальгическая тенденция делает КПРФ «партией прошлого» в глазах большинства избирателей. Риторика зюгановцев, рассчитанная на левый электорат, противоречит модернизаторскому тренду в общественном сознании, выразителем которого в настоящее время выступает Владимир Путин. Кроме того, Путину удалось сделать то, чего не в состоянии добиться коммунисты: объединить модернизаторские и державнические (со значительным элементом ностальгии) мотивы.

Поэтому коммунисты могут расширить свою электоральную базу за счет протестных слоев, но не в состоянии прорваться за рамки роли главного оппозиционера. Как говорилось выше, молодые, образованные и динамичные слои общества плохо воспринимают коммунистический «мессидж». Впрочем, державнический тренд в политике власти уже приводит к тому, что часть идей коммунистов получает дополнительную легитимность, они становятся более совместимы с общественными настроениями. Объективно это играет на руку коммунистам-державникам, несмотря на то, что пока дивиденды от такой эволюции настроений получает в основном власть.

Отсюда и шанс коммунистов в борьбе не за молодежь (для нее, как было сказано выше, они слишком архаичны), а за протестный электорат среднего возраста. Этот «средний возраст» (35-55 лет) все более включает в свои ряды молодых людей эпохи перестройки (80-х годов), многие из которых обманулись в своих надеждах на лучшие перспективы, не смогли конкурировать с более удачливыми сверстниками. Именно с этими людьми, а не с все более уменьшающимся советским пенсионным и предпенсионным электоратом, связывает свои надежды партия Зюганова.

Конечно, нельзя полностью исключать и «молдавский вариант», при котором коммунисты все же смогли прийти к власти (в Молдавии, как известно, коммунисты не отказались ни от названия партии, ни от игры на ностальгических чувствах). Впрочем, ситуация в Молдавии в значительной степени отличается от российской. Там коммунисты победили на однотуровых парламентских, а не двухтуровых президентских выборах (Молдавия – парламентская республика), причем произошло это в аграрной стране со значительным сельским населением и более «провинциальным» политическим стилем (в определенном смысле, если игнорировать этнический фактор, ее можно сравнить с российским «красным поясом»). Да и сами молдавские коммунисты воспринимаются населением как менее «красные», чем их российские коллеги, а значит, «непреодолимого барьера», отделяющего компартию от большей части «некоммунистического» электората не существует.

Однако молдавский опыт демонстрирует параметры, при которых такое развитие событий становится возможным. Во-первых, это проведение непопулярных реформ в «хронически бедной стране». Ускоренное внедрение платного образования и здравоохранения, реформа ЖКХ, которые нанесли удар не только по беднейшим слоям населения, но и по так называемым «среднеобеспеченным», привели в Молдавии к «сдвигу влево». Во-вторых, дискредитация модернизаторского курса и его конкретных носителей. Пока для российской власти это сугубо виртуальные угрозы (причем в долгосрочной перспективе), хотя было бы непра-

вильно недооценивать их значение. Нельзя исключать в перспективе возможность убедительной победы коммунистов на парламентских выборах – особенно в ситуации отсутствия других значимых и структурированных политических сил.

**Судьба
коммунистического
кентавра**

В нынешнем году «кентавр», который «сдвинулся» в сторону лояльности власти, снова стал приходить в равновесие. Полная идентификация с режимом Путина, потеря собственного «лица» стала тревожить руководство КПРФ. В случае падения популярности президента и нынешней власти в целом именно коммунисты, как наиболее значительная политическая партия, могут оказаться для населения привлекательной альтернативой (см. выше). Но это возможно при условии, если коммунисты смогут представить весомые доказательства своей оппозиционности. «Кентавр» должен был хотя бы частично восстановиться, пусть пока что без радикальной оппозиционности по отношению к президентской власти, свойственной КПРФ ельцинского периода.

Именно поэтому КПРФ предприняла акцию с вотумом недоверия правительству. И именно в связи с этим Кремль отреагировал на эту обреченную на неуспех демонстрацию как на явно недружественную акцию со всеми вытекающими последствиями. Отсюда и его столь резкая реакция: задействование фракции «Единство», чтобы «сломать» пропагандистскую атаку КПРФ, обсуждение в Кремле возможности роспуска Думы. Хотя этот вариант не рассматривался всерьез, сам факт обсуждения свидетельствует о степени раздражения Кремля действиями КПРФ.

Не менее показательна и упомянутая выше думская «демонстрация» по поводу Земельного кодекса – одного из наиболее идеологически окрашенных для коммунистического электората документов. В этом случае оппозиционная идентичность была продемонстрирована в формах, заставивших вспомнить о далеко не лучших эпизодах парламентской практики середины 90-х годов (включая митинговые акции в думских стенах и рукоприкладство).

Теперь у власти есть два пути воздействия на коммунистов. Первый путь – «стратегия сокрушения» (попытка одномоментно принципиально ограничить влияние КПРФ посредством резкого обострения конфликта с ней) – она вряд ли выберет. Идти на лобовой конфликт с партией, за которую голосует от четверти до трети населения Путин, видимо, не будет – тем более, что голоса коммунистов при проведении через Думы законопроектов, направленных на укрепление «государственных начал», ему не мешают. Ставка на антикоммунизм в определенной степени ставит Путина (и в парламенте, и в идеологии) в зависимость от либералов, что вряд ли может его устроить.

Второй вариант предусматривает, пользуясь терминологией военного теоретика Лиддел Гарта, применение «стратегии неприя-

мых действий». Она включает в себя уже упоминавшиеся меры: сокращение думского властного ресурса коммунистов за счет уменьшения числа парламентских комитетов, ограничение финансового ресурса КПРФ. Не исключена «реанимация» движения «Россия» в сочетании с попытками отколоть от КПРФ ее сравнительно недавно появившихся союзников (в частности, председателя исполкома Народно-патриотического союза и вице-спикера Семигина). В этом случае при относительно стабильной экономической ситуации влияние коммунистов может быть еще более ограничено, чем в настоящее время.

Партия явно попытается сохранить хотя бы «ущербного», но «кентавра», сочетающего в себе оппозиционность и лояльность. При этом работа с протестным электоратом будет видоизменяться. От «культурно-идеологической оппозиции» компартия будет все больше дрейфовать к левому популизму. Такая тенденция была заметна уже в президентской кампании Г.Зюганова в 2000 г. (вспомним его программные «семь пунктов» и центральный лозунг кампании «Жизнь наладится!»). В условиях возможного роста протестных настроений, например, в случае ухудшения бюджетной ситуации или реализации либеральных реформ в социальной сфере, коммунисты могут попытаться восстановить свою электоральную периферию. На большее коммунисты в обозримом будущем вряд ли способны.

Еще одно направление деятельности КПРФ – попытка «оседлать» конкретные объединения, представляющие реальные или потенциальные группы протеста. Быстрого эффекта от этих мероприятий ждать не приходится, но нельзя сказать, что они бесполезны: в случае ухудшения экономической ситуации протестные настроения возрастут, и в распоряжении коммунистов окажется инфраструктура для организации недовольных.

Речь идет, в первую очередь, о Российском союзе трудовых коллективов (РСТК), на съезде которого выступил Зюганов, а новым председателем союза стал член КПРФ, бывший «красный директор» ВПК из Воронежа Костин. Немаловажно и то, что коммунистам удалось «закрепиться» в профсоюзе Академии наук – для их авторитета в научной среде важно, что незадолго до думских выборов 1999 года академик Алферов (ставший недавно нобелевским лауреатом) перешел из НДР в КПРФ. Показательно, что и РСТК, и академический профсоюз создавались как опорные структуры демократического движения. Разочарование в реформах толкнуло их активистов к коммунистам.

Во взаимоотношениях с властью коммунисты будут стремиться как можно дольше «балансировать» на грани между лояльностью и оппозицией. При этом, огонь критики и далее будет обходить лично президента Путина (до того момента, пока президент будет сохранять свою популярность). Более того, выступле-

ния лидеров КПРФ против наиболее «одиозных» для них фигур из властных структур и дальше будут проходить в рамках «внутрикремлевской» борьбы. Главной мишенью в ближайшие месяцы, видимо, останется Чубайс как «главный энергетик» страны, находящийся в сложных отношениях с рядом околотремлевских групп (в первую очередь, с «Семьей»).

Что касается «красных» губернаторов, то они нужны КПРФ больше, чем партия им. Именно такие губернаторы обеспечивают сохранение на региональном уровне традиционалистской субкультуры, в которой более активно работают областные и местные организации КПРФ, существуют большие возможности для левой печати и т.п. Поэтому КПРФ будет всеми силами держаться за «своих» губернаторов, даже если у них возникают трения с местными филиалами КПРФ (как это произошло в Ставропольском крае с губернатором Черногоровым). Соответственно, КПРФ будет «закрывать глаза» на двойную лояльность губернаторов – федеральному центру и партии. Только в случае открытого конфликта губернатора с коммунистами, ярко выраженного ущемления их интересов (как это было в случае с Рущким) КПРФ переходит в оппозицию к главе региона.

Идеологическая ортодоксальность партийного актива и инерционность коммунистического электората (по крайней мере, его «ядра») делает сугубо теоретическими продолжающиеся уже много лет разговоры о возможности «социал-демократизации» партии. «Реформаторы» и «умеренные» внутри партии есть на всех уровнях, в том числе, и в федеральном руководстве, но не они определяют «публичное лицо» партии. Сохранение традиционного стиля общения с избирателями, привычного для ее электората «политического языка» и символики остается неперемennым условием любых попыток реформ. Например, КПРФ могла в 1995 году идти на выборы с эмблемой «Серп-молот-книга», а в 1999 – с эмблемой «Орден Победы» (старая эмблема осталась чисто партийной символикой). Смена кадров, как наверху, так и внизу, будет проходить в инерционном режиме, что исключает скольконибудь заметное обновление КПРФ, по крайней мере, в течение ближайшего электорального цикла.

Однако, несмотря на кризис, компартия остается важным фактором на политической сцене России. Этому способствует несколько важных факторов:

- наличие у партии стабильного и значительного (до 15%) «ядерного» электората, который может расширяться за счет протестных групп населения;

- сохраняющаяся способность у партии привлекать (хотя и в ограниченном количестве) новых избирателей. Например, на выборах 1999 и особенно 2000гг. КПРФ понесла ощутимые потери во многих своих традиционных регионах, но «прирастила» голо-

са в целом ряде территорий, в частности за Уралом. Нельзя забывать и о том, что по всем опросам примерно треть коммунистических избирателей принадлежит к возрастным категориям до 50 лет. Другими словами, электорат партии стареет не столь заметно, как ее актив;

– разветвленная, реально действующая и стабильная региональная сеть, не имеющая по этим характеристикам аналогов в современной России;

– Смягчение лобового противостояния с властью, что минимизирует угрозу репрессий против партии. Напротив, принятие властью ряда образцов советской культуры (наиболее характерный пример – гимн на музыку Александрова) создает дополнительную легитимность для декларируемых КПРФ ценностей в новой политической системе;

– в случае принятия нового закона о партиях КПРФ с легкостью выполняет установленные в нем жесткие нормы.

Власть и дальше будет ориентирована на «встраивание» коммунистов в их «нишу» в укрупненной партийной системе. Стагнация внутри компартии власти только на руку, если иметь в виду перспективу думских выборов. К этому времени будут приняты усилия по реорганизации пропрезидентской партии «Единство» с тем, чтобы она составила реальную конкуренцию коммунистам («виртуальная» кампания по образцу 1999 года маловероятна).

Идеологические споры внутри компартии Кремль волнуют мало. Разумеется, власть была бы заинтересована в приходе к руководству КПРФ более управляемых политиков (типа Селезнева). Но в настоящее время это невозможно, а создание очередного подобия «блока Ивана Рыбкина» явно не встретит положительного отклика ни у актива КПРФ, ни у избирателей. Поэтому в Кремле будут иметь дело с тем «материалом», который есть в наличии, то есть с КПРФ Геннадия Зюганова.